

Евгений Нечкасов

Приближение и окружение

Очерки о Германском Логосе,
Традиции и Ничто

2-е издание, дополненное

Издательский Дом ЯСК

Гнозис

УДК 29
ББК 86.3
Н 59

Нечкасов Е. А.

Н 59 Приближение и окружение: Очерки о Германском Логосе, Традиции и Ничто / 2-е изд., доп. — М.: Издательский Дом ЯСК: Гнозис, 2020. — 336 с.

ISBN 978-5-94244-073-2

Автор рассматривает различные аспекты Германского Логоса и германо-скандинавской традиции в свете фундаменталь-онтологии М. Хайдеггера и вопрошающего поиска Ничто как Иного.

Книга ориентирована на широкий круг интеллектуальных читателей, представителей академических религиозных, культурологических, исторических, философских и других наук.

**УДК 29
ББК 86.3**

ISBN 978-5-94244-073-2

© Нечкасов Е. А., 2020
© Издательский Дом ЯСК,
оформление, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Приближение и окружение	5
II. Язык	9
Deutsch und völk	12
Грани термина «язычество»	15
III. Война как центр бытия Германского Логоса	22
Титаномахия и Рагнарёк	27
Три мышления войны	42
Партия двух логосов Европы	46
Война в основе Seyn	61
IV. Бог Изумления и Поэзии	70
Одг	72
Гёльдерлин	82
Πολιτεία поэтов: George-Kreis	86
Мудрость, экстастика, смерть	91
Имена	93
Война, спор, игра	96
Жрец, философ, мышление	101
V. Бытие к смерти	109
Смерть в германской традиции	111
Боги и смерть	116
VI. Сокрытие Бездны	122
Привлечение этимологии	124
Привлечение семиотики	130
Привлечение представления	139
Resume	144
VII. Αλήθεια	154
VIII. Ничто	158
Метафизическая проблема Nihil	158
Нигилизм	167
IX. Götter und Gottheit	179
Майстер Экхарт: прорыв к Gottheit	182
Ἔν и монизм в германской традиции	189

X. Язык Года: А-І-U и Безмолвие	209
Экзистенциал речь (Rede).....	219
XI. Язык скандинавского Dasein.....	225
Sein и Dasein.....	225
Ereignis — Событие.....	228
XII. Локи и Прометей	232
Смерть Бальдра как парадигмальная картина.....	246
XIII. Человек и его структуры	248
Три человека Иоганна Таулера	259
Фауст Просвещенный.....	263
Отношение человека к миру.....	270
Настроение скуки	274
Resume	278
XIV. Сокрытие Европы.....	281
Метафизика сокрытия	281
XV. Wald und Nebel	295
XVI. Resume: Последний горизонт	313
Или смерть?.....	318
Последний Бог	322
Appendix: Экспозиция автора	327
Summary	329
Литература.....	330

I

Приближение и окружение

Тактика окружения подразумевает собой замыкание кольца вокруг вражеского войска или пространства, которое необходимо захватить. Данная работа представляет собой серию размышлений и рассуждений, которые охватывают (берут в «котёл») интересующую нас тему недвойственного начала в Германском Логосе, его мышлении, мифе и традиции.

Германцы исторически являются одной из фундаментальных структурообразующих сил в Европе, её истории, мышлении и самоосмыслении. Начиная с первых военных контактов с Римом и заканчивая языками, философией, поэзией, культурой, королевскими родами и войнами, эта сила формирует европейскую идентичность наравне с Античной Грецией и Римом. Европа, по словам Н. Данилевского, — это романо-германская цивилизация. Германский Логос есть выражение *природы германского*, которая разворачивается и раскрывается в многообразии народов: немцев, фризов, шведов, норвежцев, исландцев, датчан и других, а также в их языках, традициях и культуре; делает их отличными от других народов и их глубинных структур идентичности. Мы обращаемся к Германскому Логосу как к пангерманскому целому, которое в некотором роде предшествует «сверху», проявляется и единит собой различные полюса германских народов, выражающих — в разных пропорциях, отношениях, нюансах и акцентах — общие глубинные изначальные интенции и структуры; в некотором смысле Логос есть судьба, начало и конец германского как такового.

В географии нашего Логоса преобладает континентальный полюс, сердце которого — пространство современных Германии и Австрии. Германцы этих земель активно участвовали в истории, войнах и политике Европы. Чуть в тени находится полюс Скандинавии (Швеция, Дания, Норвегия, Исландия), в котором произошла локализация, кристаллизация и консервация германо-скандинавского мифа и традиции. При большом интересе к традициям германцев и скандинавов мы также обращаемся к континентальной немецкой теологии и философии.

Германский Логос в XX–XXI веках находится в сложном состоянии самозабвения, сокрытия, экзистенциальной паузы и ожидания. Историческая судьба Германского Логоса — это одна из осевых линий нашего повествования, которая тесно переплетена с тематикой смерти как особой инстанции, связанной с сокрытием, бытием, аутентичным Dasein и Ничто. В своем радикальном упадке Германский Логос стоит перед экзистенциальным вызовом и в экзистенциальной задержке. Так и вопрос недвойственности, и связанных с ним апофатики и дальнейшего [способа] бытия, бросает вызов германскому мышлению.

В основе Германского — в мышлении германца — лежат война и смерть, трактовка которых может меняться в ходе поворотов реки истории. Эта же воинственность, но в сфере мышления, лежит и в основе наших приближений, которые используют язык военного дела и его тактику в изучении вопросов, превосходящих необходимую для войны дуальность противников на поле боя.

Несмотря на довольно прямую постановку вопроса о недвойственности в германском мышлении и Логосе, предполагаемый ответ мыслится нами как приближение к тому, что невозможно выразить Словом (λογός), но на что можно указать, что может быть схвачено или, скорее, раскрыто доверившимся этому путешествию читателем как «сердце» того, что будет окружено серией рассуждений. Забегая вперед, можно узреть, что мы окружаем Пустоту Ничто. Однако то, что с точки зрения военной стратегии является бессмысленным и абсурдным занятием, как сдавливание пустой петли, в деле философии обретает решающее значение: не «всё или ничего», но «всё через ничто».

Философия считается противостоящей [противо-поставленной] мифу, что отчетливо видно уже у Платона и платоников, но наша позиция к мифу открытая, мы на его стороне. Поэтому язык «Окружений» можно назвать *филомифическим* — любящим и миф, и философию. Мы занимаем твердую позицию языческого традиционализма, германской традиции, которая сегодня так или иначе существует под множеством имен¹. С этой позиции мы проводим апологию манифестационистского прочтения Германского Логоса и деконструкцию идей поздних христианских мистиков в нашем русле.

---

¹ Подробное изложение философии языческого традиционализма см.: Askar Svarte «Polemós: Языческий традиционализм».

Ранее мы уже рассмотрели многие аспекты строго мифологического и современного прочтения германской традиции в русле ухода от [воинственной] дуальности и формирования недвойственного мифа Пути левой Руки в Единизме². Эти труды не принесли явных ответов на вопросы мышления, прояснив скорее вопросы ритуальной практики и мифо-традиционных внешних форм, которые важны как формы практической трансгрессии, влияющие на размышление о нашем вопросе опосредованно.

Необходимо более основательное *приближение и окружение Пустоты Ничто Германского Логоса*. Это приближение одновременно является и жестом германского Ума, обращенным к своему пределу и за него. Окружая Пустоту Ничто, германский Ум (Логос, мышление) тем самым, *пребывая сам по себе в окружении своих границ*, нащупывает их и намечает выход за свои собственные пределы. Лобовая атака Ничто мышлением вызывает сбой, отвлечение, смятение, бегство и отступление. Ум спотыкается, избегает, отказывается мыслить Пустоту. Эта тактика не приносит плодов, поэтому приближение и окружение «внешней» Пустоты Ничто также являются для Ума узкой дорожкой для выхода из собственного само-окружения «внутренними» границами мышления. Во многом язык «Окружения» — это язык парадоксов, так как разницы между «внешним» [Пустотой Ничто] и «внутренним» [границами мышления Ума] на самом деле нет: постигая и окружая Пустоту Ничто, Ум приближается и окружает свою собственную природу внутри себя. Пустота Ничто — это не географическое пространство, в которое можно прийти и попытаться вместить увиденную картину в ограниченный язык рациональных логических операций и вербальных коммуникаций языка, и шире речи. Знание Пустоты не помещается в ячейку, нишу на полке, удобную для аналитических и механических операций бинарных вычислений и мышления. Пустота Ничто не поддается словесному выражению и описанию, а значит, язык не может выражать её и оперировать ею напрямую. Условное слово-термин — не более чем указующий на Луну палец из известной притчи. Поэтому постановка Пустоты Ничто «вовне» — не более чем тактическая условность,

---

² См. книгу: Askar Svarte «Чарующая Бездна».

снимаемая тонкой и внимательной рефлексией «внутри». Ничто не познается как «отсутствие», «пустота» в полости черепной коробки или сердца.

Схватить Пустоту можно в трансгрессивном акте правильного мышления, к которому подводят наши приближения и окружение.

***

Из вышесказанного отчетливо явствует, что «Окружение» не столь актуально для Русского Логоса и русского языческого традиционализма, и особенно для повестки простого «обывательского» язычества. К практической и ритуальной части этот труд ничего не добавляет и только запутывает все уже давно данные и известные определения и пути. Неоднократно мы допускаем сомнение или открываем недостаточность языческого традиционализма, что может ещё более отдалить неподготовленного читателя от пути следования за зовом вечных Богов.

Но этот взгляд немного поверхностен. Так как язык «Окружения» — русский, а в русской истории немалую роль сыграли германцы (как непосредственно — в лице варягов Рюрика и его династии, позже — династии Романовых, так и опосредованно — в силу интенсивных культурных и политических контактов), да и современное русское язычество испытывает очевидную неререфлексируемую тягу к германо-скандинавскому мифу. Все это делает «Приближения» как минимум интересной формой диалога и герменевтико-филологических кругов-экскурсов и переплетений между германскими и славянскими языками в вопросах будущего бытия.

Повествование глав не всегда линейно следует друг за другом. Поэтому рекомендуется при прочтении совершить герменевтический круг: «Окружение» необходимо совершить дважды (или многократно) при сосредоточенном и доверительном мышлении, и тогда, возможно, свершится приближение к искомому.

II Язык

Отцовский язык философии — греческий. Это язык начала философии, главный, наряду с латынью, язык западной мысли. Языком конца философии стал немецкий язык, о чем говорил ещё И. Г. Фихте³ и что полностью воплотили Г. Гегель, Ф. Ницше и М. Хайдеггер. Здесь мы видим первую силовую ось приближения — Эллинское–Германское, начало и конец Первого Начала западной философии. Но если язык начала философии — греческий, язык конца философии — немецкий, то язык германского мифа — старонорвежский (oldnorse), сохранившийся в древнеисландском (fornnorræna) и дошедший до нас с наименьшими изменениями в современном исландском.

Исландский язык испытал минимальное романское и датское влияние, которое активно компенсировалось движением языкового пуризма, одним из символов которого является стилизованный под Молот Тора (Mjöllnir) флаг Исландии. Современный исландский язык довольно чист и очень близок древнеисландскому, на котором были записаны саги, Старшая Эдда и множество текстов скальдической поэзии, заговоров и так далее, что делает его уникальным с точки зрения языка феноменом.

Тонкая и на первый взгляд неочевидная проблема, связанная с языковым пуризмом в Исландии, особенно с его радикальной, «высокой» (Háfrónska) версией, заключается в том, что подобранные слова-аналоги и новые конструкции порой либо искажают изначальный термин, либо вносят в его понимание этимологические и семантические штрихи, которые резонируют с окрестностями слова и вызывают в мышлении ассоциации и созвучия, которых быть не должно. Возникает диссонанс между лексическим значением термина и его этимологией, соседними смысловыми полями. С традиционалистской точки зрения это особенно важно в отношении технической и виртуально-медийной терминологии, в случае с которой следует подбирать негативно окрашенные, «демонические» термины, подчеркивающие современную упадническую (Эра Волка, Рагнарёк) природу этих явлений на уровне обиходного языка.

---

³ См.: И. Г. Фихте «Речи к немецкой нации».

Например, термин «Большой взрыв» — название общепринятой теории появления Вселенной, предложенной А. Эйнштейном, плод неклассической физики начала-середины XX века, — передается в радикальной версии как *ginnungahvellur*. Первый корень слова *ginnunga* напрямую отсылает к строкам Старшей Эдды, Прорицания Вёльвы, где говорится о происхождении мира из «зияющей бездны» — *gar var ginnunga*, *Ginnungagar*:

3.
В начале времен,
когда жил Имир,
не было в мире
ни песка, ни моря,
земли еще не было
и небосвода,
бездна зияла,
трава не росла⁴.

3.
Ár var alda,
þar er ekki var,
var-a sandr né sær
né svalar unnir;
jörð fannsk æva
né upphiminn,
gar var ginnunga
en gras hvergi.

То есть строго научная атеистическая теория происхождения Вселенной связывается с мифом о проявлении мира из Бездны напрямую через употребление термина «зиять», «разверзаться», «околдовывать». В результате термин начинает резонировать с мифом, вызывая к себе иррациональное мифологическое доверие в сознании. Происходит мимикрия и подмена окраски иноязычного термина и модернистского понятия в языке через наделение его мифологическими коннотациями.

Второе слово *hvellur* означает «грохот», «раскатистый гром». В сравнении с плоским английским *Big Bang*, (Большой Бум/Взрыв), даже сомнительная с традиционалистской точки зрения калька обладает большей поэтикой и оттенками.

В качестве обратного и позитивного примера можно привести сам термин *Háfrónska*, второй корень которого *frón* — название исландских земель из Старшей Эдды, что связывает название страны напрямую с мифом. Вместе с первой частью

---

⁴ Устоявшийся перевод: «бездна была разверзнута». Мы преимущественно используем перевод А. Корсуна, но он содержит в себе неточности, сбивку нумерации и лакуны до половины стиха, поэтому мы дублируем все стихи нормализованным древнеисландским текстом под редакцией Guðni Jónsson и по возможности исправляем и дополняем версию А. Корсуна. «Младшая Эдда» цитируется преимущественно по переводу О. Смирницкой.